

Росток в российских исследованиях о русско-ганзейских отношениях: историографический обзор

А. В. Морозов

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия
morozov_av@tass.ru

Аннотация. В рамках статьи комплексно проанализирована роль города Ростoka в российской и советской историографии, посвященной русско-ганзейским отношениям. Несмотря на то, что исследователи формально признают статус Ростoka как одного из ведущих «вендских» городов, его непосредственное участие в деятельности на русском направлении регулярно остается на периферии научного нарратива. В статье проведен подробный последовательный обзор трудов М. Н. Бережкова, Ф. Я. Фортинского, Е. А. Рыбиной, Н. А. Казаковой, А. Л. Хорошкевич, А. А. Сванидзе, И. М. Кулишера, В. А. Аракчеева, М. Б. Бессудновой и Н. В. Салоникова. На их примере демонстрируется то, что скудость и фрагментарность сведений о Ростoke стали не только следствием особенностей источниковой базы, но и результатом устойчивой исследовательской парадигмы. Она была сформирована еще в дореволюционный период и не была преодолена в советское и постсоветское время. В рамках этой парадигмы главное значение отводится таким акторам, как Любек и Ливония. Росток же играет роль «статиста». В рамках статьи делается вывод о том, что за полтора века в отечественной науке так и не был сформирован запрос на исследование, посвященное непосредственно Ростoku. Его же образ сохраняет вспомогательный, служебный характер.

Ключевые слова: Росток, Ганза, русско-ганзейские отношения, историография, Новгород, вендские города.

Для цитирования: Морозов, А. В. (2025). Росток в российских исследованиях о русско-ганзейских отношениях: историографический обзор. *Caurus*, 4(3), 251–261. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(3\)-251-261](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(3)-251-261)

Rostock in Russian studies on Russian-Hanseatic relations: A historiographical review

Aleksey V. Morozov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
morozov_av@tass.ru

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the role of the city of Rostock in Russian and Soviet historiography devoted to Russo-Hanseatic relations. Despite the fact that scholars formally acknowledge Rostock's status as one of the leading "Wendish" cities, its direct involvement in activities related to the Russian sphere has regularly remained on the periphery of scholarly narratives. The article presents a detailed and systematic review of the works of M. N. Berezhkov, F. Ya. Fortinsky, E. A. Rybina, N. A. Kazakova, A. L. Khoroshkevich, A. A. Svanidze, I. M. Kulisher, V. A. Arakcheev, M. B. Bessudnova, and N. V. Salonikov. Their analyses demonstrate that the scarcity and fragmentary nature of information about Rostock resulted not only from the characteristics of the source base but also from a persistent research paradigm. This paradigm was formed in the pre-revolutionary period and was not overcome during the Soviet or post-Soviet eras. Within this framework, primary importance is assigned to such actors as Lübeck and Livonia, while Rostock plays the role of a "supporting" or secondary actor. The article concludes that over the course of a century and a half, Russian scholarship has failed to develop a sustained demand for research devoted specifically to Rostock. Consequently, its image has retained an auxiliary, subordinate character.

Keywords: Rostock, Hanseatic League, Russian-Hanseatic relations, historiography, Novgorod, Wendish cities.

For citation: Morozov, A. V. (2025). Rostock in Russian studies on Russian-Hanseatic relations: A historiographical review. *Caurus*, 4(3), 251–261. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(3\)-251-261](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(3)-251-261)

Изучение Ганзейского союза торговых городов Нижней Германии, Пруссии и Восточной Прибалтики, деятельность которого составляла основу балтийской торговли Высокого и Позднего Средневековья, предполагает освещение широкого спектра проблем, касающихся его экономики и политики [Подалаяк, 1998, с. 95]. Среди них в настоящий момент немалой популярностью пользуются характеристики отдельных городов Ганзы, особенно тех, кто оказывал большое влияние на ее развитие [Lorenzen-Schmidt, 2019, s. 65]. Среди них особое место занимают вендские города южного побережья Балтики во главе с Любеком, которые, согласно общему убеждению, составляли ядро Ганзейского союза [Geelhaar, 2014, s. 62]. В число вендских или морских городов (*civitates maritimae*) входил Росток, довольно часто упоминающийся в ганзейских источниках. Порт Ростoka на южном побережье Балтики был важным логистическим центром, а политический вес был сравним с Любеком и Висмаром, что позволяло ему напрямую играть важную роль в пределах Ганзейского экономического пространства и влиять на выработку общеганзейской торговой стратегии. Именно системная роль Ростoka в структуре Ганзы делает его принципиально важным объектом для понимания всей сложности и многогранности отношений городов внутри Ганзейского союза.

Проблематика, связанная с русско-ганзейскими контактами, традиционно вызывает интерес у отечественных историков, работающих в области изучения Ганзы. На протяжении многих лет исследователи сосредотачивали внимание прежде всего на ключевых центрах данной трансрегиональной коммуникации, а потому в фокусе их основного внимания неизменно оказывались среди русских городов Новгород [Бессуднова, 2013] и Псков [Хорошкевич, 2003], а среди ганзейских – Любек [Подалаяк, 2007], а также города Ливонии – Рига, Ревель (Таллин) и Дерпт (Тарту). Такой выбор объясним, поскольку упомянутые города являлись основными центрами международного товарообмена, а, кроме того, именно с ними были связаны основные внутриганзейские события и дипломатические усилия Ганзы, что благоприятно сказалось на содержании и объемах хранящейся в их архивах документации, включая ту, что касается политических и экономических связей Ганзы с русскими землями. Вместе с тем за пределами круга упомянутых выше городов зачастую оказываются другие участники ганзейских межгосударственных экономических и политических контактов, довольно невыразительно представленные в современной ганзейской историографии. Одним из таких недостаточно изученных субъектов ганзейской истории, безусловно, является Росток, который обычно редко выступает в роли объекта особого анализа, но чаще фигурирует в ганзейских исследованиях лишь эпизодически либо упоминается наряду с другими городами Ганзы как часть единой историко-культурной среды.

В данном исследовании не ставится целью предоставить полную картину места Ростoka в развитии русско-ганзейских отношений, поскольку решение такого рода задачи не представляется возможным без специального изучения большого объема источников. Вместе с тем представляется необходимым предварить такого рода работу историографическим очерком, посвященным изучению места и значения указанного города в российской исторической науке XIX–XXI вв. Ограниченность информации о Ростoke в трудах отечественных исследователей Ганзы автор объясняет не только объективными трудностями доступа к источникам по данной

теме, но также устойчивыми методологическими установками, согласно которым отдельный ганзейский город преимущественно оказывался вне пристального внимания исследователей. Отдельные ганзейские города, за исключением Любека, отечественные историки рассматривали обычно сквозь призму внутренних процессов, характерных для Ганзейского союза, либо как элемент общеевропейских торговых коммуникаций, как правило, без выявления его самобытности или особенностей его торговых инициатив.

В подтверждение данной точки зрения ниже приводится обзор наиболее интересных работ, касающихся ганзейского Ростока, которые представляют три основных этапа отечественной историографии – дореволюционного, советского и современного, последовавшего за распадом Советского Союза. Критерии рассмотрения строятся вокруг тематического контекста обращения к образу Ростока для решения различных исследовательских задач.

В дореволюционный период фундамент изучения русско-ганзейских отношений закладывали такие видные исследователи, как М. Н. Бережков [Бережков, 1879], А. И. Никитский [Никитский, 1893], А. С. Лаппо-Данилевский [Лаппо-Данилевский, 1895], чьи труды были посвящены общим вопросам торговли и межгосударственных связей. Для изучения роли Ростока в русско-ганзейской торговле, однако, особый интерес представляет исследование М. Н. Бережкова «О торговле Руси с Ганзой до конца XV века», которое немало повлияло на формирование российской историографической традиции в целом и на изучение русско-ганзейских экономических связей в частности [Казакова, 1975]. Его монография, основанная на тщательном анализе разнообразных письменных источников, была нацелена на выявление основных тенденций и структуры торговых отношений Новгорода с Ганзой в широком хронологическом диапазоне. При подобном макроисторическом подходе город Росток зачастую оставался на периферии внимания автора, поскольку основной акцент тот делал на наиболее важных центрах русско-ганзейского товарообмена. Тем не менее историк отметил значительную роль Ростока среди городов Ганзейского союза, а также подчеркивал важность сплочения вендских городов – Любека, Висмара, Ростока, Штральзунда и Грайфсвальда, – которые тем самым образовали ядро объединения северогерманских торговых центров [Бережков, 1879, с. 130]. Однако при рассмотрении отдельных проблем и событий М. Н. Бережков часто описывал положение Ростока как зависимое от Любека, в целом подчиненное любекской торговой стратегии. Любек характеризовался им как главный координатор политики Ганзейского союза и основной получатель выгод от ведения совместных действий, тогда как ростокчане выступали преимущественно исполнителями решений ганзейского руководства. Например, при изучении переноса высшей апелляционной инстанции, занимавшейся делами русско-ганзейской торговли, из Висбю на о. Готланд в Любек автор отметил согласованность действий всех вендских городов, подчеркнув особое значение посреднической роли Ростока и Висмара в распространении соответствующих циркулярных сообщений от имени всего ганзейского сотрудничества [Бережков, 1879, с. 68–69].

В результате такого подхода самостоятельность деятельности Ростока в рамках общеганзейской политики была впервые замечена и вписана в отдельный сюжет

ганзейской истории, несмотря на краткость его упоминаний в ганзейских источниках. В дальнейшем, рассматривая историю конфликта Новгорода с Ливонским орденом конца XIV в., М. Н. Бережков упомянул о том, что ливонский магистр Госвин фон Херике в связи с задержанием в Новгороде его торгового представителя, некоего ломбардца, предпринял ответные меры против ганзейцев, преимущественно ростокских купцов, которых считал виновными в инциденте [Бережков, 1879, с. 121] – обо всем этом говорится в письме магистрата Ростока, которое было написано между 1347 и 1360 гг. Данный эпизод представляет два важных обстоятельства: во-первых, степень вовлеченности купеческого сообщества Ростока была настолько высокой, что именно оно стало объектом репрессий со стороны орденского руководства, и, во-вторых, городской совет проявил инициативу по защите своих граждан посредством самостоятельной дипломатической переписки с внешними силами региона. При всем этом, однако, развитие этой темы у М. Н. Бережкова ограничено фрагментарными замечаниями и не получило последовательного освещения.

Иной взгляд на роль Ростока в истории Ганзейского союза представлен в труде Ф. Я. Фортинского «Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 года» [Фортинский, 1877]. Эта работа выделяется среди дореволюционных отечественных исследований Ганзы тем, что в ней уделено большое внимание Росток, который фигурирует там в числе других ключевых городов Ганзейского региона 133 раза. Ни в одном российском исследовании, посвященном Ганзе, Росток не упоминается столь часто. Детальное изучение взаимодействия вендских городов позволило автору отчасти отклониться от общераспространенного клише о «господстве Любека» и показать самостоятельную роль Ростока как торгового и политического субъекта в рамках Ганзейского союза. Особо подчеркивается не только союзная или посредническая функция города между прочими центрами влияния, но и его институциональное значение – судебные органы Ростока, в частности, рассматриваются как неотъемлемая часть сложной структуры Ганзы. Ф. Я. Фортинский тем самым продемонстрировал, что участие Ростока в политических процессах выходило за пределы пассивного участия – напротив, он неоднократно выступал инициатором важных решений и координатором взаимоотношений внутри вендского городского сообщества. В своем исследовании он, например, вслед за М. Н. Бережковым подробно освещает события 1293 г., когда Росток совместно с Висмаром выступал в роли организатора рассылки циркулярных писем с предложением признать Любек высшей апелляционной инстанцией для новгородских купцов [Фортинский, 1877, с. 179]. Соответствующий эпизод подтверждает значимость ростокской инициативы в реализации стратегических задач Ганзейского союза.

Среди заслуг Ф. Я. Фортинского следует особо отметить анализ статуса города как правового центра. В частности, он установил, что изначально решения Штральзунда могли быть обжалованы сперва в совете Ростока, а затем в Любеке [Фортинский, 1877, с. 192]. Такой вывод позволяет заново осмыслить структуру власти внутри Ганзы – становится очевидным наличие у Ростока особого авторитета среди членов вендского объединения. Для немецких купцов, торговавших на новгородском рынке, это проявлялось, прежде всего, в возможности обращаться к ростокскому магистрату как к высшей апелляционной инстанции, минуя Любек, по ряду спорных вопросов, касавшихся русской торговли. Таким образом, труд Ф. Я. Фортинского

не только иллюстрирует границы аналитики дореволюционной науки о Ганзе, но и призывает к переосмыслению исследовательских подходов – вместо широких моделей взаимоотношений между Ганзой и русскими землями актуален более пристальный взгляд на деятельность отдельных приморских городов во взаимодействии с русскими территориями.

Тем не менее изучение прямых связей между Ростком и русскими землями оставалось у Ф. Я. Фортинского второстепенной задачей, из-за чего анализ связанных с этим проблем никогда не находился в центре его исследовательской работы.

Выдающиеся советские историки, посвятившие свои труды истории Ганзы, такие как И. М. Кулишер, М. П. Лесников, И. Э. Клейнеберг, Ю. Ю. Кивимяэ и т. д., в своих оценках роли Ростока в русско-ганзейской торговле в целом мало отступали от концепций М. Н. Бережкова и Ф. Я. Фортинского. Поэтому на протяжении XX в., несмотря на значительное расширение источниковой базы и внедрение новых исследовательских методик, этот ганзейский город так и не стал объектом фундаментальных исследований. Например, в обобщающем труде начала XX в. «Очерк истории русской торговли», принадлежащем И. М. Кулишеру, представление о Ростке изложено в обобщенной форме, практически лишенной индивидуальных черт. В нем отмечена устойчивость морских связей между Любеком, Ростком и Россией, которая сохранялась вплоть до XVIII в. [Кулишер, 1923, с. 190], однако констатация соответствующего факта не сопровождается детальным рассмотрением такого рода контактов или изучением особого места в них Ростока.

В советских исследованиях Росток упоминается лишь мельком в рамках изучения широких тематических комплексов, что закрепляло за ним роль малозначительного актора. Вместе с тем совершенствование методологии позволило отечественным специалистам дополнить характеристику этого города новыми, хотя и разрозненными, деталями. Тут следует обратить внимание на работы Е. А. Рыбиной, в которых Росток выступает не просто как один из равных ему членов Ганзейского союза городов, но как немаловажный субъект присущих тому политико-правовых отношений. Она подчеркивает важное место города при заключении взаимных соглашений городов вендской группы 1259 и 1283 гг., благодаря которым была создана институциональная основа формирования Ганзейского союза [Рыбина, 2009, с. 65], а также в вышеупомянутых событиях 1293 г., которые указывают на важную роль Ростока в контактах Ганзы с Готландом и Новгородом. Е. А. Рыбина рассматривает Росток как своеобразную «инициирующую столицу» объединения вендских городов, благодаря которой осуществлялось формирование новых центров ганзейского влияния в Балтийском регионе и Северной Европе [Рыбина, 2009, с. 67], хотя, вместе с тем, функциональная сторона указанного процесса в ее работах подробно не изучается. Росток в концепции автора продолжает рассматриваться прежде всего как структурное звено сети ганзейских городов, лишенное выразительной динамики внутреннего развития и специфического влияния на международную торговлю Ганзы.

В работах Н. А. Казаковой, посвященных ганзейской торговой политике, различным дипломатическим аспектам взаимодействия Ганзы с Русью и проблемам обострения русско-ганзейских конфликтов [Казакова, 1975], Росток также предстает

преимущественно в качестве своеобразной платформы для выработки стратегических решений высшего уровня ганзейскими городами Балтийского и Североевропейского регионов. Особого внимания заслуживает детальное описание совместного заседания представителей ростокских и любекских городских властей 1417 г., в ходе которого было принято решение об учреждении общеганзейской торговой блокады против Новгорода вместе с мерами по ограничению деятельности голландских купцов (в том числе запрет на обучение голландцев русскому языку) [Казакова, 1975, с. 97]. По мнению Н. А. Казаковой, Росток в данной ситуации выступал не столько полномочным участником политического процесса, сколько посредником внешнеполитических контактов Любека с его партнерами-конкурентами того времени; при этом она практически не затрагивает проблемы конкретного участия в том ростокской городской элиты и мотиваций ее деятельности ни в отношении Любека, ни относительно внешних конкурентов.

Между тем некоторые интересные наблюдения, касающиеся специфики внутригородской жизни Ростoka, способны представить труды советских историков, занимавшихся исследованием ганзейской экономики. Так, например, анализ, произведенный А. Л. Хорошкевич в монографии «Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой», позволяет представить экономическое значение Ростoka, который автор рассматривает как одного из поставщиков ганзейской экспортной продукции на восточноевропейские рынки. Ткани, изготовленные ремесленниками Ростoka, наряду с изделиями из Любека и Висмара, характеризуются как разновидности так называемых «грубых вендских тканей», отличавшихся относительно невысоким качеством по сравнению с западноевропейскими товарами и относительно низкой конкурентоспособностью, из-за чего существовала тенденция ограничивать их ввоз в Новгород [Хорошкевич, 1963, с. 195]. Подобное уточнение расширяет понимание экономического значения Ростoka, который тем самым представлен не только в свете политических и юридических отношений, но также как немаловажный компонент производственного кластера вендских городов, сориентированного на потребителей ганзейской текстильной продукции в средневековом Новгороде.

Вместе с тем А. Л. Хорошкевич обратила внимание также на свидетельства политической значимости Ростoka и, в частности, отметила как важный факт пребывание в городе в 1358 г. любекского ратмана и купца Иоганна Виттенборга, посредничавшего в торговле русским воском и мехами, которому в тот момент было поручено проведение с магистратом Ростoka важных переговоров, что, в свою очередь, свидетельствует о значимости города в процессе выработки ганзейским руководством ключевых решений, касающихся внешней политики Ганзы [Хорошкевич, 1963, с. 25]. Кроме того, отмечено особое значение решений ганзейского съезда (ганзетага) 1373 г. в Ростoke по поводу запрета вывоза ганзейского серебра в русские земли [Хорошкевич, 1963, с. 280]. Подобные факты представляют город как центр формирования общеганзейских санкционных мер против Новгорода; решения участников Ганзы, оформленные на съезде в Ростoke, воплощались в конкретных актах экономического давления.

Анализ А. А. Сванидзе основан на микроисторическом подходе и рассмотрении сетевых связей региональных элит стран Балтийского региона посредством изучения истории купеческого семейства Фрезе из города Або, обладавшего обширными торговыми контактами с Пруссией и Новгородом; представители этого семейства связывали свою жизнь с разными городами Балтийского региона. На примере Арндта Фрезе, избранного в 1427 г. ростокским ратманом, демонстрируется тесная интеграция местного патрициата в систему международной торговли [Сванидзе, 1992, с. 67]. Такой подход позволяет автору совместить анализ функционирования институтов городского самоуправления с рассмотрением участия отдельных его представителей в торгово-экономической жизни Ростока и влияния личных интересов городского купечества на его внешнеполитическую стратегию. И хотя у А. А. Сванидзе Росток традиционно представлен одним из многочисленных звеньев сложной системы трансрегиональных коммуникаций Ганзы, ее исследование, безусловно, способствует лучшему пониманию социальных мотиваций внешнеполитических решений городских элит в ганзейском сообществе.

В современных научных публикациях сохраняется тенденция рассматривать роль Ростока в русско-ганзейской торговле сквозь призму устоявшихся представлений о композиции ганзейского пространства с центром в Любеке, в результате чего даже при расширении проблематики, связанной с отдельными сегментами ганзейской экономики и их взаимодействия, образ города часто не выходил за пределы коллективного портрета вендских городов. Например, в справочном издании «Псков и Ганза» В. А. Аракчеев относит Росток к числу вендских городов, помещая его на второе место после Любека [Аракчеев, 2012, с. 4], но не дает, однако, ему развернутой характеристики, тем самым продолжая традицию схематичного подхода с минимальной детализацией.

Отдельно стоит отметить работы М. Б. Бессудновой, которая систематически упоминает Росток при разборе эпизодов, касающихся ганзейской дипломатии или конфликтов внутри Ганзы. Город обычно рассматривается ею как часть северогерманской группы и не наделяется выраженной спецификой по сравнению с другими участниками объединения, а его уникальные черты остаются вне поля зрения при анализе групповых действий. Наиболее ярко данный исследовательский подход проявлен в работе, посвященной использованию торговых санкций в целях консолидации Ганзейского союза. Обратившись к проблеме организации Ганзой экономического давления на Данию в 1367–1368 гг., М. Б. Бессуднова опирается на переписку ганзейских городов и протокольные записи ганзетагов, что позволило ей обобщить сведения о вкладе ряда городов в достижение общей цели и продемонстрировать активное участие в том Ростока, который по уровню активности мало чем уступал Любеку [Бессуднова, 2020, с. 29]. Наблюдения автора относительно Ростока включают также интересные сведения об участии ростокских купцов в балтийской торговле – например, об их ходатайствах перед ганзетагом разрешить им отправлять собственные торговые суда в Норвегию, не прибегая к посредничеству Любека [Бессуднова, 2020, с. 30].

Вместе с тем нельзя не отметить, что наличие многочисленных ссылок на экономическую и дипломатическую деятельность Ростока периода войны Ганзы

с Данией 1367–1370 гг., включая данные о задержании его товаров и участии его граждан в общеганзейской санкционной политике, исследователь проявляет интерес не столько к данному конкретному городу, сколько к самому механизму санкций и результатам их воздействия. В результате Росток в построениях М. Б. Бессудновой, хоть и представлен активным членом Ганзейского союза, однако мало выделяется на фоне прочих крупных ганзейских городов Нижней Германии, а его активность не сопровождается описаниями мотивировок поведения связанных с нею городских элит. Подобный взгляд демонстрирует устойчивость сложившейся методологической парадигмы: современные историки продолжают рассматривать вклад отдельных членов Ганзы, кроме Любека, в первую очередь сквозь призму общеганзейских процессов и редко поднимают вопрос о роли в том каждого конкретного ганзейского города, который выступал бы как самостоятельный объект изучения. В итоге работа М. Б. Бессудновой, с одной стороны, значительно дополняет отечественную историографию новыми сведениями о функциональной роли Ростoka в русско-ганзейской и, шире, в балтийской торговле, но с другой – подтверждает традицию воспринимать его лишь как сопутствующий элемент научного анализа.

Современные исследования свидетельствуют о том, что роль Ростoka в пределах Ганзейского союза выходила далеко за рамки общеганзейских торговых, административно-представительских функций, поскольку этот город существенно влиял и на культурный облик городских элит, формируя их ценностные ориентиры. Обычно эта сторона остается за пределами научного исследования, и в этой связи заслуживает особого внимания работа Н. В. Салоникова, посвященная судьбам интеллектуалов Восточной Прибалтики XVI–XVII вв. В ней, в частности, поднят вопрос о причинах популярности среди немецкоговорящих жителей прибалтийских территорий ростокского университета, куда уже со второй половины XVI столетия администрации ведущих ливонских городов (Риги, Ревеля, Дерпта и др.) регулярно направляли молодых людей для учебы, обеспечивая их специальными стипендиями из городской казны [Салоников, 2018, с. 178]. В этой связи особое внимание уделяется содержательному профилю преподавания в ростокском университете, а именно его ярко выраженной юридической специализации, обеспечивавшей подготовку профессиональных кадров для нужд городского и регионального управления в городах Прибалтики, которая способствовала выстраиванию прочных связей между интеллектуальными кругами Восточной Прибалтики и Северной Германии.

Информация, представленная Н. В. Салониковым, имеет значение для понимания темы. Его выводы свидетельствуют о том, что и после окончания эпохи Ганзы Росток сохранял статус важнейшего центра притяжения для городов Балтики – он продолжал играть ключевую роль в формировании образованных слоев общества и административных элит тех городов, которые поддерживали тесные связи с Россией. Вместе с тем автор рассматривает университет Ростoka как часть широкой германской культурной сферы – его влияние принимается как данность и не подвергается отдельному детальному анализу, что наглядно демонстрирует устойчивую тенденцию российской исторической науки – даже при акценте на вопросы культурного взаимодействия образ Ростoka остается на втором плане и часто используется лишь в качестве фона или иллюстрации исторических процессов.

Обобщение состояния историографии выявляет устойчивый исследовательский подход в отечественной науке к вопросу значения Ростока и его роли в русско-ганзейских отношениях. Несмотря на большой вклад дореволюционных ученых, в первую очередь Ф. Я. Фортинского, и отдельные ценные наблюдения представителей советской и современной российской исторической мысли, Росток, как самостоятельный член Ганзы, так и не стал объектом специального монографического исследования. Даже применение современных методов источниковедческого анализа пока не позволило выйти за рамки исследовательских парадигм, сформировавшихся еще во второй половине XIX в.

В научной литературе образ Ростока обычно выступает в роли вспомогательного примера: он служит для пояснения отдельных процессов или подтверждения общих закономерностей. Таких как структура ганзейского купечества (А. А. Сванидзе), характеристика административных механизмов союза (Е. А. Рыбина, М. Б. Бессуднова), анализ товарной номенклатуры внешнеторговых операций (А. Л. Хорошкевич, М. Б. Бессуднова), рассмотрение политических конфликтов внутри Ганзы и экономических санкций (Н. А. Казакова, А. Л. Хорошкевич, М. Б. Бессуднова).

В то же время такие аспекты, как собственные торгово-экономические интересы города, особенности функционирования ростокских торговых объединений или стратегия во внешних отношениях с Новгородом и другими русскими землями, фактически остаются вне поля зрения исследователей. В работах чаще всего упоминается только роль Ростока в проведении съездов либо его значение как центра производства сукна; однако глубокий анализ причин значимости данных функций для развития самого города отсутствует.

Таким образом, ограниченное внимание к важной исторической роли Ростока объясняется не только трудностями работы с источниками, но и устоявшейся ориентацией исследований преимущественно на «ключевые» центры ганзейской торговли, такие как Любек или земли Ливонии. Комплексная оценка вклада «периферийных» участников ганзейского пространства остается недостаточно разработанной темой.

Перспективы преодоления этой исследовательской традиции видятся в сознательном смещении фокуса с макроистории Ганзы на микроуровень отдельных городов, членов союза, что поможет исследователям пополнить запасы знаний об отдельных сторонах его развития и на этом основании продолжать изучение общеганзейских исторических процессов. Обращение к отдельным сторонам богатого ганзейского наследия – как, например, в данном конкретном случае к Ростоку – предполагает скрупулезный, целенаправленный поиск в архивах документов, связанных непосредственно с деятельностью ростокских купцов, применение просопографических методов и сетевого анализа для реконструкции их коммерческих и родственных связей, а также сравнительное изучение роли Ростока и других «второстепенных» центров Ганзы, таких как Висмар или Штральзунд, так же, как и Росток, имевших тесные экономические связи с новгородской ганзейской конторой. Только такой подход позволит превратить Росток из «статиста» в полноценного исторического актора и тем самым углубить наше понимание всей системы русско-ганзейских связей.

Библиографический список

- Аракчеев, В. А. (2012). *Псков и Ганза в эпоху Средневековья: научная справка*. Псков: Дизайн экспресс.
- Бережков, М. Н. (1879). *О торговле Руси с Ганзой до конца XV века*. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и К°.
- Бессуднова, М. Б. (2013). Превратность судьбы (Великий Новгород в системе русско-ливонских отношений конца XV века). *Новгородский исторический сборник*, 13(23), 171–184.
- Бессуднова, М. Б. (2020). Роль торговых санкций в формировании Ганзейского союза во второй половине XIV века. *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*, 7(1), 22–38. <https://doi.org/10.18413/2312-3044-2020-7-1-22-38>
- Казакова, Н. А. (1975). *Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в.* Ленинград: Наука.
- Кулишер, И. М. (1923). *Очерк истории русской торговли до девятнадцатого века включительно*. Петербург: Атеней.
- Лаппо-Данилевский, А. (1895). История экономического быта Великого Новгорода А. И. Никитского. Москва, 1893. *Журнал Министерства народного просвещения*, 302(12), 343–397.
- Никитский, А. И. (1893). *История экономического быта Великого Новгорода*. Москва: Университетская типография.
- Подальяк, Н. Г. (1998). *Ганза: мир торговли и политики в XII–XVII веках*. Киев: Дипломатическая академия при Министерстве иностранных дел Украины.
- Подальяк, Н. Г. (2007). Ганзейско-новгородский мир 1392 года и любекский дипломат Йохан Нибур. *Средневековый город: межвузовский сборник. Вып. 18: Вопросы социально-экономической, культурно-антропологической и идейной истории города XI–XVI веков* (с. 217–227). Саратов: Саратовский государственный университет.
- Рыбина, Е. А. (1978). *Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV веков*. Москва: Издательство Московского университета.
- Рыбина, Е. А. (2009). *Новгород и Ганза*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- Салоников, Н. В. (2018). Библиотека архиепископа Феофана (Прокоповича) как источник по интеллектуальной культуре и книгофильству в Восточной Прибалтике XVII – начала XVIII века. *Страны Балтии и русский Северо-Запад: исторический опыт взаимодействия: материалы международной научно-практической конференции, Великий Новгород, 30 ноября – 11 декабря 2017 г.* (с. 174–193). Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.
- Сванидзе, А. А. (1992). Купеческая среда и средневековая балтийская общность. *Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие* (с. 65–75). Москва: Наука.
- Фортинский, Ф. Я. (1877). *Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 года*. Киев: Университетская типография.
- Хорошкевич, А. Л. (1963). *Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Хорошкевич, А. Л. (2003). Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в Средние века и начале Нового времени. *Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания): в 2 т. Т. 1* (с. 33–39). Москва: Московский государственный университет печати.
- Geelhaar, T. (2014). Wendische Städte oder civitates maritimae? Sondierungen zum Sprachgebrauch in den Hanserezenzen von 1256–1370. *“Das ungeheure Wellen-Reich”: Bedeutungen, Wahrnehmungen und Projektionen des Meeres in der Geschichte* (ss. 57–70). Oldenburg: BIS-Verlag.
- Lorenzen-Schmidt, K.-J. (2019). The North Atlantic trade of Hamburg (c. 1400–1650). *German trade in the North Atlantic c. 1400–1700. Interdisciplinary Perspectives* (pp. 63–73). Stavanger: Museum of Archaeology, University of Stavanger Publ.

References

- Arakcheev, V. A. (2012). *Pskov and the Hansa in the Middle Ages: scientific reference*. Pskov: Design Express Publ. (In Russian).
- Berezhkov, M. N. (1879). *On the trade of Rus' with the Hansa until the end of the 15th century*. St. Petersburg: Typography of V. Bezobrazov and Co. (In Russian).
- Bessudnova, M. B. (2013). The vicissitudes of fate (Veliky Novgorod in the system of Russian-Livonian relations at the end of the 15th century). *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 13(23), 171–184. (In Russian).
- Bessudnova, M. B. (2020). The role of trade sanctions in the formation of the Hanseatic League in the Second Half of the 14th Century. *Tractus Aevorum: The Evolution of Socio-cultural and Political Spaces*, 7(1), 22–38. <https://doi.org/10.18413/2312-3044-2020-7-1-22-38> (In Russian).

- Geelhaar, T. (2014). Wendische Städte oder civitates maritimae? Sondierungen zum Sprachgebrauch in den Hanserezessen von 1256–1370. *“Das ungeheure Wellen-Reich”: Bedeutungen, Wahrnehmungen und Projektionen des Meeres in der Geschichte* (ss. 57–70). Oldenburg: BIS-Verlag.
- Fortinsky, F. Ya. (1877). *Maritime Wendish cities and their influence on the formation of the Hanseatic League before 1370*. Kyiv: Typography of University. (In Russian).
- Kazakova, N. A. (1975). *Russian-Livonian and Russian-Hanseatic relations. Late 14th – early 16th centuries*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
- Khoroshkevich, A. L. (1963). *Trade of Veliky Novgorod with the Baltics and Western Europe in the 14th–15th centuries*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Khoroshkevich, A. L. (2003). Pskov as an intermediary between Western, Northern and Eastern Europe in the Middle Ages and the beginning of Modern Times. *Pskov in Russian and European history (to the 1100th anniversary of the first chronicle mention): in 2 vols. Vol. 1.* (pp. 33–39). Moscow: Moscow State University of Printing Arts Publ. (In Russian).
- Kulisher, I. M. (1923). *An essay on the history of Russian trade*. Petersburg: Athenaeus Publ. (In Russian).
- Lappo-Danilevsky, A. (1895). The history of economic life in Veliky Novgorod by A. I. Nikitsky. Moscow, 1893. *Journal of the Ministry of National Education*, 302(12), 343–397. (In Russian).
- Lorenzen-Schmidt, K.-J. (2019). The North Atlantic trade of Hamburg (c. 1400–1650). *German trade in the North Atlantic c. 1400–1700. Interdisciplinary Perspectives* (pp. 63–73). Stavanger: Museum of Archaeology, University of Stavanger Publ.
- Nikitsky, A. I. (1893). *The history of economic life in Veliky Novgorod*. Moscow: Typography of University. (In Russian).
- Podalyak, N. G. (1998). Hansa: The world of trade and politics in the 12th–17th centuries. Kiev: Diplomatic Academy under the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine Publ. (In Russian).
- Podalyak, N. G. (2007). The Hanseatic-Novgorod peace of 1392 and the Lübeck diplomat Johann Niebur. *Medieval city: Interuniversity collection. Is. 18: Issues of the socioeconomic, cultural, anthropological, and ideological history of the city in the 11th–16th centuries* (pp. 217–227). Saratov: Saratov State University Publ. (In Russian).
- Rybina, E. A. (1978). *Archaeological essays on the history of Novgorod trade in the 10th–14th centuries*. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russian).
- Rybina, E. A. (2009). *Novgorod and the Hanseatic League*. Moscow: Manuscripts of Ancient Rus Publ. (In Russian).
- Salonikov, N. V. (2018). The library of Archbishop Feofan (Prokopovich) as a source on intellectual culture and bibliophilia in the Eastern Baltics in the 17th – early 18th centuries. *The Baltic States and the Russian Northwest: Historical experience of interaction: Proceedings of the International research and practical conference* (pp. 174–193). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).
- Svanidze, A. A. (1992). The merchant environment and the medieval Baltic community. *Civilization of Northern Europe. The medieval city and cultural interaction* (pp. 65–75). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Поступила в редакцию / Received 19.08.2025

Принята к публикации / Accepted 24.09.2025

Об авторе / About the author

Морозов Алексей Валерьевич – аспирант кафедры Всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

Morozov Aleksey Valerievich – PhD student at the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

ORCID: 0009-0004-7843-6557; e-mail: morozov_av@tass.ru